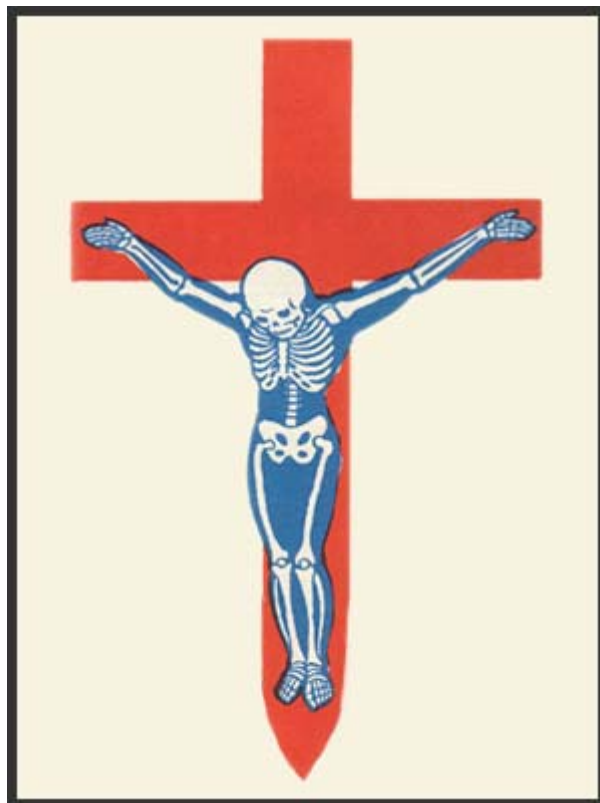

Анатолий Иванов

ХРИСТИАНСКАЯ ЧУМА

«Христианство возникло из еврейства.

Оно снова превратилось в еврейство».

Карл Маркс

Из всех духовных эпидемий, когда-либо поражавших человечество, самой страшной было – и, к сожалению, остается – христианство. Оно унесло и в прямом, и в переносном смысле столько жизней, что по сравнению с ним даже «черная смерть», опустошившая Европу в XIV веке, может показаться малозначительным событием.

Откуда взялась на наши головы эта напасть?

Главным бациллоносителем явилось еврейство, с которым христиане, как бы не дрыгались, навсегда связаны неразрывной цепью. Цепь эта – теория «богоизбранности» еврейского народа.

Христиане пытаются как-то вывернуться, прибегают для этой цели к сомнительным уловкам, силясь доказать, будто евреи и в самом деле были когда-то богоизбранными, но потом утратили это качество, не признав посланного к ним мессию и весьма невежливо с ним обошедшись. Но, во-первых, среди самих христиан нет единства по этому вопросу, и даже вполне русские люди, вроде Е. Барабанова или В. Зайцева, не хуже любого еврея с пеной у рта доказывают, что евреи до сих пор остаются богоизбранным народом; во-вторых, евреи безусловно лучше знают сочиненные ими с позволения сказать святыя писания, по прискорбному недоразумению остающиеся «святыми» и для определенной категории русских людей, и поэтому, ведя, так сказать, игру на своем поле, всегда сумеют переспорить противников, закидать их контраргументами и даже представить полными идиотами; в-третьих, половинчатая теория «потери богоизбранности» не спасает дела: достаточно только признать, что пусть когда-то, но эта богоизбранность все-таки была – и щелк! ловушка захлопнулась. Коготок увяз – всей птичке пропасть.

Христиане накрепко прикручены к еврейскому ветхому завету необходимостью объяснять, почему человек, которого они считают мессией, появился в столь непотребном месте, как Палестина. Ну почему, спрашиваешь христианина, мессия появился именно среди евреев? Что он, лучше места не нашел? И вот в ответ человек, именующий себя русским патриотом, заявляет тебе: «Да потому что другие народы тогда еще сырое мясо жрали».

Хоть стой, хоть падай. Что же после этого христианство, как не еврейское рекламное предприятие? О той эпохе, когда существовала прекрасная культура Греции, глубоко религиозная цивилизация Индии, великая персидская держава, русский христианин знает, что тогда был только один замечательный народ – евреи, а остальные «жрали сырое мясо». Вокруг – огромные океаны, глубины богопознания, жизнь, красота, а русский человек не замечает их, он живет уткнувшись носом в поганую палестинскую лужу, да знай бубнит себе про Ноя и про Исаака.

Обидно и больно за этого русского человека и плюнуть в рожу хочется этому русскому человеку, добровольно записавшемуся в еврейские холуи и подголоски. Но, может быть, евреи и в самом деле выделялись чем-то среди других народов во времена, когда возникло христианство? Вот утверждают, например, что только у евреев был монотеизм. Это глубокое заблуждение. Очень правильную мысль высказала свое время известный немецкий ученый А. Дреус: «Пред-

ставление об оригинальности иудейского религиозного творчества... является одним из тех предрассудков и мифов в истории религии, от которых науке пора раз и навсегда отделаться». (А. Дреус. Миф о Христе, т. 1, стр. 183). До вавилонского плена и соприкосновения с персами евреи знали, по сути, лишь своего племенного бога, и бог этот, соответственно, знал только их. Кукушка хвалила петуха, петух, наоборот, якобы хвалил кукушку. «И кто подобен народу твоему Израиль, единственному народу на земле, для которого приходил бог, чтобы приобрести его себе в народ» (2 Царств VII, 23). «Отдам других людей за тебя, и народы за душу твою» (Исайя, 43, 4). Бог этот и впрямь оставался «богом израилевым», «богом Авраама, Исаака и Иакова» – и только.

Идею единого вселенского Бога в VII в. до н.э. впервые развил Заратустра. Его Бог отнюдь не был «богом персов», а Богом всех народов – персы ни на какое «богоизбранничество» не претендовали. Персы не были идолопоклонниками, их Бог не имел антропоморфных изображений и не выказывал таких чисто человеческих черт, как иудейский Ягве, которому присущи и злобная мстительность, и бахвальство и ряд других не менее «божественных» качеств.

Познакомившись с персидским богопониманием, евреи немедленно возвели своего бога в ранг Ахура-Мазды, но одновременно возвысили и самих себя: бог, и став всемирным, продолжал сохранять особую привязанность к еврейскому народу и печься только о нем. Потом, когда этот бог вместе с христианством выполз на просторы римской империи, многие удивлялись: если он бог всех нас и творец всего, почему он на нас не обращал внимания? Почему все евреям – и закон, и пророки и, наконец, мессия, а другим – ничего? Ведь были другие народы, более достойные внимания бога, боговдохновенные народы халдеев, египтян, персов, индусов? (А. Ранович Античные критики христианства, стр. 192, 84). И христиане до сих пор продолжают молиться этому еврейскому богу, по недоумению принимая его за всемирного.

Христианство, само того не подозревая, стоит на плечах зороастризма, из которого заимствованы: концепция единого всемирного Бога и изображаемого в виде змея сатаны как противника Бога, причем борьба этих двух начал кончается поражением зла, страшным судом и воскресением мертвых во плоти; упор на свободную волю человека в этой борьбе; высшее значение индивидуальной души и ее бессмертие; ангелы-хранители; сама идея мессии (по-персидски: Саошиант), опять-таки присобаченная евреями к своему национальному Эгоизму; наконец, даже обряды крещения и причащения. Все это было украдено евреями и потом попало в христианство частично через официальный иудаизм, частично через иудейское сектантство. А христиане продолжают смотреть на этих воров снизу вверх и пускать слюни: надо же, какие умные евреи, до чего додумались.

Возможно ли богопочитание без еврейских ярлыков? Конечно, силен гипноз имен, вдалбливавшихся в головы столетиями, но надо же когда-то, наконец, стряхнуть с себя это проклятое наваждение! Тем более что ничего мистического в нем, в сущности, нет. Как верно подметил Кришнамурти, «две, пять тысяч лет обучения, внушающего вам веру в определенные понятия, это не религия. Это пропаганда». «Нет истинной религии, если есть верование. Нет настоящей религии, если есть догма, если вы вечно повторяете слова... Посещение мессы это лишь развлечение, это не религия. Религия – не пропаганда. Совершенно все равно, кем обработан ваш мозг – служителями церкви или политическими деятелями». Итак, с одной стороны – промывка мозгов, с другой стороны – лень мысли, нежелание думать самому, склонность к мыслительным шаблонам, прежде всего, – стадным и в итоге – приобщение не к Богу, а всего лишь к стаду, низведение себя до уровня скотины, мычащей в унисон с другими примитивными звуками.

Другой индийский мыслитель, Вивекананда, раскрыл механику психологического воздействия еврейско-христианских представлений о боге. Люди, разделявшие их, «верят в чисто антропоморфного личного бога, который, подобно великим властителям в этом мире, благоволит одним и выражает неудовольствие другим. Он произвольно возвышает некоторые народы или расы и благословляет их. Разумеется, такие верующие приходят к выводу, что бог имеет фаворитов и надеются быть в их числе». Подобные верования «завоевывают популярность, вызывая к тщеславию необразованной массы, которой нравится чувствовать, будто она пользуется исключительными привилегиями». И не случайно между этими соискателями, привилегий все время возникают страшные склоки и кровавые схватки – так было, так будет. Конечно, приятно чувствовать себя любимчиком. На этой теоретической базе потом умело и упорно накачивали свою аудиторию и Иисус и Павел, внушая ей: «Вы – соль земли» и аудитория на глазах разбухала от спеси, забывая о том, что гордыня – это ведь грех. И позже настроенные в этом ключе христиане воротили носы всех прочих верований, именуя себя «третьим родом», «избранниками». И сегодня средний христианин это, как правило, мешанина чудовищной спеси, с одной стороны, а с другой – не менее чудовищного невежества в том, что касается других религий, которые для него все чохом – атеизм, сатанизм, или язычество. Последний термин особенно пикантен, потому что представляет собой славянскую кальку с известного еврейского ругательства «гой». И получается стройная иерархия: евреи обзывают русских (и всех прочих) гоями, а русские (и прочие) христиане, с лакейской гордостью разъезжающие на «запятках еврейской кареты» с не меньшим презрением бросают то же словечко в адрес серости, не понимающей, какое это невероятное счастье – носить еврейскую ливрею. Изменилось ли что-нибудь в отношении евреев к гоям с появлением христианства? Да ровным счетом ничего! Тот же Иисус, имя которого до сих пор, к позору и стыду нашему с

умилением слюнявят многие россияне, почитая всех неевреев за собак и прямо заявляя «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Матф., XV, 22-28, Марк. VII, 25-30). Кстати, именую себя сыном божьим, Иисус отнюдь не претендовал, на какое-то особое место: все евреи убеждены, что они сыны божьи. «Одного отца имеем, бога» (Иоанн, VIII, 41) – так говорили они тогда. Так говорят и теперь. Но в примитивных умах безграмотных низов Римской империи слова «Иисус – сын божий» – воспринимались совершенно превратно, отсюда и пошла гулять версия о единственном и неповторимом сыне божьем, обросшая бродячими мифами о «непорочном зачатии», воскресении и т.п.

Приведенные выше слова Иисуса показывают, что он мыслил как типичный еврейский расист и сегодня вполне мог бы состоять почетным членом Всемирной сионистской организации. Тем более смешны восходящие к Х.С. Чемберлену попытки изобразить Иисуса «арийцем». В нелепости своей теории расписался, между прочим, сам Чемберлен, который после долгих рассуждений на тему о том, чем Иисус будто бы отличался от евреев, неожиданно кончил таким выводом «Если заглянуть очень глубоко, в самую основу Христова учения, т.е. поворота воли, то надо согласиться, что здесь мы видим нечто чисто еврейское, в противоположность арийскому отрицанию воли. Последнее есть плод знания, чрезмерного знания. Христос же напротив, обращался к людям, в которых преобладала воля, а не мышление)» (Х.С. Чемберлен. Явление Христа, стр. 89).

Поскольку неизвестно, кто были по расовой принадлежности родители Иисуса, жившие в Галилее, стране с очень смешанным населением, можно, конечно, строить самые различные домыслы, но ни один из них невозможно доказать. Несомненным остается лишь тот факт, что Иисус был воспитан в иудейской вере, что ничего кроме нее он не знал и все его речи состоят из сплошных цитат из ветхого завета, которыми он шпарил без передышки. Как за последнюю соломинку иисусоманы цепляются за слова своего кумира обращенные к иудеям: «Ваш отец диавол» (Иоанн, VIII, 44) и торжествующе восклицают: «Вот!»

А что, спрашивается, вот? Нужно же понимать намерения Иисуса, ситуацию, с которой он столкнулся, и особенности его характера. Иисус вовсе не собирался порывать с дорогим его сердцу Иудаизмом, в чем и клялся своим еврейским слушателям: «Не думайте, что я пришел нарушать закон или пророков: не нарушить пришел я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна нота, ни одна черта не прейдет из закона» (Матфей, V, 17-18). Иисус предлагал всего лишь малосущественную реформу иудаизма, но буквоедство начетчиков было слишком сильно, а широкие массы евреев, по видимому, не ощущали никакой потребности в реформации. Иисус же, обладая от природы вспыльчивым и злобным характером, приходил в бешенство от не-

восприимчивости своих слушателей и начинал поносить их последними словами.

Кроткий, милосердный, засахаренный Иисус – плод стараний позднейших богомазов. Такая операция не раз осуществлялась и на нашей памяти: из деятелей, отнюдь не страдавших сентиментальностью, делали добрячков, умильно глядящих по головкам детишек. Реальный Иисус был вовсе не таков: следы этого сохранились и в канонических евангелиях, где Иисус то врывается с бичом в храм, то под горячую руку проклинает ни в чем не повинную смоковницу, но особенно в апокрифическом евангелии Фомы, где Иисус изображается с резким, суровым характером.

Так обстоит дело с конфликтом, возникшим между Иисусом и иудеями, конфликтом, кончившимся для него печально. На этом обстоятельстве христиане нагородили массу теоретических построений и козыряют им до сих пор: дескать, евреи же отвергли и распяли Иисуса, как же можно смешивать его с евреями? Но подобные доказательства от противного ничего не доказывают. Коммунисты, например, отвергли и убили Троцкого, но значит ли это, что троцкизм – нечто качественно отличное от коммунизма, мало того – позитивная альтернатива коммунизму?

Вероятно, уже тогда, во времена Голгофы, какие-то умные головы из среды раввината, увидев, что отвергнутое евреями учение Иисуса имеет успех у окружающих народов; в частности, у самаритян, задумали грандиозную идеологическую диверсию против гоев. Решено было двинуть на экспорт реформированный иудаизм Иисуса и лишить, в случае удачи, гоев их собственного духовного наследия, навязав им взамен еврейское. Сам факт отвержения евреями Иисуса должен был на внешних рынках сработать в пользу тех же евреев. Так сегодня хитрые судовладельцы, не желая обнаруживать истинную принадлежность своего флота, пускают свои корабли под каким-нибудь либерийским флагом. Возможен и такой вариант: казнь Иисуса как «царя иудейского» была ритуалом на манер древнеегипетского Хеб-седа: убийство (в Египте – чисто символическое) вождя племени во имя усиления племени.

В самую суть раввинского плана проник своей гениальной мыслью Ф. Ницше. В своей «Генеалогии морали» он писал: «Этот Иисус из Назарета – воплощенное евангелие любви, этот «спаситель», несущий больным, бедным, грешникам блаженство и победу – не было ли это именно искушением, в самой жуткой и непреодолимой форме, искушением и окольным путем именно к иудейским ценностям и новшествам идеала? Разве не на обходном пути именно этого «спасителя», этого кажущегося противника и разрушителя Израиля иудеи достигли последней цели своей высшей жажды мести? Не было ли черным, тайным ис-

кусством истинно великой политики мести, дальноркой, подпольной, медленной и предусмотрительной мести то обстоятельство, что сам Израиль вынужден был объявить перед всем миром смертным врагом и распять на кресте орудие своей мести, чтобы «весь мир», все противники Израиля могли бы безбоязненно идти на эту приманку?»

А ведь можно было догадаться и раньше. Главный исполнитель раввинского замысла, самый прожженный жулик всех времен и народов Саул-Павел, намекал, про себя издеваясь над читателями своих посланий: «Ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников» (Римл., XI, 25). И одновременно в корне пресекал всякие будущие попытки поставить под сомнение «богоизбранность» евреев или по крайней мере, положить ей предел во времени: «Неужели бы отверг народ свой? Никак... Не отверг бог народа своего... Весь Израиль спасется» (там же, 1-2, 26).

Павел и его присные воспользовались давно уже натянутой паутиной еврейской диаспоры. «Представляется несомненным, – пишет один из историков христианства, – что евангелие не смогло бы так легко выйти за пределы Палестины; если бы иудаизм не имел своих колоний почти во всей Римской империи и вне ее. Христианская пропаганда не была бы воспринята языческим миром, если бы иудаизм не начал его завоевания». Ну а дальше, за пределами синагог, вербовалась публика самого низкого пошива, довольно точного описания у А. Франса в «Восстании ангелов»: «Новое суеверие распространилось сначала в Сирии и Африке; потом захватило морские порты, где кишел человеческий сброд, проникло в Италию, где в первую очередь заразило куртизанок и рабов, а затем быстро завоевало успех среди городской черни».

Когда сегодня христиане кичатся и козыряют тем, что христианство победило и видят в этом некий критерий истинности, они жестоко заблуждаются. Во-первых, мало ли кто кого побеждал в истории. Если руководствоваться подобной логикой, то вытеснение христианства мусульманством с Ближнего Востока и из Северной Африки в VII в. можно использовать как доказательство превосходства веры Мухаммеда, а победу марксизма в России в 1917 г. можно толковать к вящей славе этого учения. Во-вторых, всегда нужно четко представлять себе, почему кто-то победил, в кто-то проиграл, знать конкретные исторические обстоятельства, а христиане себя этим занятием не утруждают.

Римская империя достигла вершины своего внешнего могущества в начале II в н.э., а потом быстро стала клониться к упадку. То национальное ядро, которое создало эту империю, стало растворяться в огромной массе завоеванных народов, римское гражданство раздавалось направо и налево, пока, наконец, император Каракалла не даровал его в 212 г. всем свободным гражданам империи.

За этим последовал длившийся несколько десятилетий период совершенно дикой анархии, взаимной резни сторонников быстро сменяющихся солдатских императоров, распада и запустения.

В этой-то обстановке упадка в разлагающейся Римской империи и расплодились, как черви на гниющем трупе, христиане. Поражены были в первую очередь денационализированные части империи – Малая Азия, Армения, Фракия. Именно там, «в утративших свою самостоятельность провинциях, среди племен и народов, потерявших вместе со своей традиционной организацией также своих богов, свой язык, свою обособленность» (А.Б. Ранович. Очерк истории ранне-христианской церкви, стр. 392) и расцвела пышным цветом христианская плесень. В Риме же первыми членами римской христианской общины были не римляне, а паломники, «чужестранцы», и в течение долгого времени в римской церкви был принят греческий язык. К концу II века н.э., христианство оставалось еще городской по преимуществу религией. Жители сельских областей оставались большей частью приверженцами старых культов (Н.А. Машкин. История древнего Рима, стр. 554-555).

Сегодня русские христиане имеют успех, главным образом, потому, что выдают себя за хранителей национальных традиций. О том, насколько это верно применительно к России, мы еще поговорим, сейчас же важно подчеркнуть, что христианство выступило на историческую арену именно как разрушитель национальных традиций. Христиане «разрывали священные узы обычая и воспитания, наружные религиозные постановления своего отечества и самонадеянно презирали то, что их отцы считали за истину и чтити как святыню» (Э. Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи, т. 2. стр. 97).

Сегодня христиане жалуются, что люди, одержимые их же духом, духом нетерпимости, ломают их церкви, а тогда дорвавшись до власти, христиане сами крушили прекрасные античные храмы, а тогдашние члены общества охраны памятников жаловались императору: «Ты не отдавал приказа о закрытии храмов. Но эти черноризники... несмотря на то, что закон остается в силе, спешат к храмам, вооружившись камнями и лопатами, иные, за неимением орудий, действуют руками и ногами» (А. Ранович. Античные критики христианства, стр. 238).

И только одна традиция осталась нерушимой – еврейская. Евреи могли торжествовать. «Христианские писатели делают их историю центром всех других; точно мир вращается вокруг евреев, кажется, что величайшие цари и могущественные народы работают только в их интересах» (Г. Буассье. Падение язычества, стр. 511).

Христиане воспользовались господствовавшей в Римской империи веротерпимостью. Арийцы еще не понимали тогда, что имеют дело со смертельным врагом, к которому неприменимы те же мерки, что и к другим. Репрессии против христиан были спорадическими и вызывались чисто политическими, а не религиозными причинами – отказом христиан принимать участие в культе императоров. Но один император, ради того же культа, решил пойти на сделку с христианством.

Известный русский поэт В. Брюсов писал: «Если есть «чудо» в христианстве, то только одно: что такая бедная содержанием религия, вся составленная из клочков египетской мудрости, еврейства, неоплатонизма и других учений, могла иметь такой успех. Причина тому, конечно, политическая. Константину «Великому» (которого правильней было бы назвать Отступником) необходимо было отказаться от прежнего представления об императоре, как магистрате народа, и утвердить свой новый абсолютизм на вездесущем «божественном» основании. В дальнейшем действовал на варварские народы авторитет Римской империи».

Трактовка Брюсова абсолютно правильна. Христианство было навязано народу властью, а не наоборот. Христиане составляли тогда меньшинство – не более 10-15% населения Римской империи (Я. Ленцман. Происхождение христианства, стр. 259). И победило это меньшинство не силой истины, а императорской дубиной и вследствие все ускоряющегося процесса разложения империи, которую уже нельзя было спасти. Героические попытки Юлиана и Евгения, отсрочившие окончательное торжество христианства до конца IV в. были обречены не слабостью старых богов: умирала нация, которую они мечтали возродить. На промежуточном этапе господствующей фигурой становился денац и его идеология – христианство, а не молодые, варварские народы, только начинавшие приобщаться к культуре, и вправду действовал авторитет Римской империи. Откуда им было знать всю подоплеку? Судьба их трагична: они похожи на юношей, которых до того, как они узнали настоящую любовь, развратный старец обучил противоестественным порокам.

Христиане отпраздновали свою победу взаимной резней: резали ариан, резали донатистов. Впрочем, всю свою историю они только тем и занимались, что кого-нибудь резали: католики резали то альбигойцев, то протестантов, православные – то павликиан, то богомилов... Кровь, кровь, кровь. В чем же заключалось это пресловутое «спасение», которым якобы обязано человечество Иисусу?

Зла принес Христос немало.

А переиначил людей божьих?

(Т. Шевченко)

Дело, конечно, не только в нем. Как правильно уточнил тот же А. Франс... «много дурного совершалось помимо него и даже против него, но в чем узнаю я руку милосердного бога (как они называли его) – это в обычае, введенном его наместниками и установленном во всем христианском мире: сжигать с колокольным звоном и пением псалмов мужчин и женщин, которые по наущению демонов мыслили об этом боге не так, как подобало».

Первородным грехом христианства, унаследованным им от породившей его почвы, была и остается крайняя нетерпимость. «Христианство не знает терпимости. Это единственный пункт, в котором сказывается еврейское влияние. Ибо только иудейство и христианство проявляли это свойство в античном мире», – признает историк христианства К. Шнейдер. Именно «иудаизм впервые ввел теорию об абсолютном в религии и установил правило, что всякий новатор, отклоняющий народ от истинной религии – должен быть побит камнями без всякого суда» (Э. Ренан. Жизнь Иисуса, стр. 286). Раввины могут гордиться своими христианскими учениками, отлично усвоившими преподанные им уроки.

Вторгшиеся в римскую империю варвары не очень разбирались в богословских тонкостях и многие из них (готы, лангобарды, бургунды) первоначально приняли впопыхах арианство. Переубеждали эти ставшие еретическими народы опять-таки не аргументами, а соединенными усилиями византийских и франкских войск. В конце VIII века тем же франкам пришлось вести тридцатилетнюю войну с «язычниками» саксами, упорно отстаивавшими свою независимость и свою веру. Другой цитаделью «язычества», продержавшейся несколько веков, отбивая атаки христиан в обличье немецких псов-рыцарей, были земли прибалтийских славян с религиозным центром на острове Рюяне (Рюген). Только в 1166 году этот остров был захвачен датчанами. В Швеции христианство окончательно утвердилось лишь в 1248 г., а Великое княжество литовское оставалось «языческим» до конца XIV века.

Нет, не спешили народы в объятия «истинной веры»!

Христиане часто приводят факт гонений на евреев в средневековой Европе как доказательство того, что христианство преодолело свое еврейское происхождение и действительно превратилось во врага евреев. Однако в той же средневековой Европе в разные периоды и при разных правителях к евреям относились по-разному. Известно, например, что Людовик Благочестивый, по выражению Мишле, «превратил Францию в Иудею», что не в меньшей степени благоволили к евреям Людовики VI и VII, кастильский король Альфонс VI, английские короли Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный, польский король Казимир Великий и ряд других, и только после того, как стихийное возмущение против еврейского засилья вылилось в форму еврейских погромов, начавшихся одно-

временно с крестовыми походами, церковь, дабы не утратить популярности, стала подыгрывать народным настроениям, а короли – принимать меры против евреев, результатом чего было изгнание евреев из Англии в конце XIII в., из Франции – в конце XIV в. и из Испании – в конце XV века.

Но не будем пока особенно отвлекаться на Европу. Нас сейчас больше всего интересует Россия.

Для христиан настоящая история России начинается лишь с 988 г. Тем самым они льют воду на мельницу клеветников России, которые всеми силами тщатся доказать, что русские не имели ни государственности, ни культуры, «сидели на деревьях и держались хвостами за ветки», пока их не облагодетельствовали варяги и византийцы. В этом отношении христиане и норманисты – два сапога пара.

Здесь не время и не место останавливаться на пресловутой норманнской теории. Давно доказано, что государственность существовала у восточных славян еще до т.н. «призвания варягов». Но до сих пор не заглохли споры о происхождении династии Рюриковичей.

М. Алпатов утверждает, что «первые князья этой династии носили несомненные норманнские имена (Рюрик, Олег, Игорь, Ольга). Этот факт до сих пор никем не отвергнут» (М. А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII-XVII в. стр. 39). Однако далеко не все так несомненно, как кажется Алпатову, и как раз с самим Рюриком. Еще С. А. Гедеонов указывал на существование древнего чешского рода Рерихов (Варяги и Русь. ч. 1, стр. 193), а А. Кузьмин – на название племенного союза ободритов-ререгов и на связь родового знака Рюриковичей с символом ререгов – соколом («Варяги и Русь» на Балтийском море. «Вопросы истории», 1970. Ж 10). Как уже говорилось, именно в землях балтийских славян находился главный религиозный центр славянского «язычества» – для славян Аркона была тем же, чем Рим для католиков – и именно из факта религиозного первенства балтийских славян над прочими славянскими племенами С. А. Гедеонов и выводил мотивы выбора, сделанного новгородцами (цит. соч. стр. 135). Другой мотив указывает С. Лесной: Рюрик – сын дочери Гостомысла Умилы, выданной за славянского князя Годлава.

Западным славянам все время приходилось отбиваться от многочисленных врагов – возможно, именно поэтому Рюрику и пришлось набирать в свою дружину людей со стороны, так что норманны были просто наемниками у Рюрика, хотя не исключена и возможность каких-то родственных связей. Есть версия, что Рюрик был женат на Еранде, сестре Олега, потому и дал своему сыну норманн-

ское имя. Ситуация была чем-то сходной со временами наследников Петра I, но и в том и в другом случае русская почва быстро засосала пришлый элемент.

От названия живших на острове Рюане славян – рутены – и произошло то слово, которым финны впоследствии окрестили шведов, но которое, став гордым именем «Русь», не имеет все же к шведам по своему происхождению никакого отношения.

Однако мы отвлеклись от христианских дел, вернемся к ним. Вдове Игоря Ольге (из племени кривичей, ее первое имя Пребрана) были присущи религиозно-политические метания. Крестившись в Византии, она потом поссорилась с ней и обратилась с просьбой прислать епископа и священников к будущему германскому императору Оттону I. Но пока христиане разных толков дрались за будущий кусок пирога, в Киеве победила «языческая» партия во главе с истинным героем древней Руси – Святославом. Это он сделал из России великую империю, разгромил разбойничье иудейско-хазарское царство, покорил волжских болгар и народы Северного Кавказа и угрожал Византии. Великое государство создавалось без помощи Христа.

Сын Святослава Владимир (да будет проклято его имя!) сначала пытался как-то централизовать древнеславянские культы и устроить в Киеве главное святилище наподобие арконского, но потом отказался от этой мысли и решил воспользоваться готовым рецептом. Движимый комплексом неполноценности перед культурной Византией, (а также личным из-за своего низкого происхождения) он совершил то, в чем со времен славянофилов стало модным обвинять Петра I, но что с гораздо большим основанием следует отнести к Владимиру – совершил страшное насилие над русской историей и над русским духом.

Что представляли собой верования древних славян?

«В основе всех языческих праздников русского народа лежало поклонение природе – собственно солнцу, подателю тепла и урожая. Но к солнечному характеру празднеств присоединялся еще культ мертвых. Празднуя поворот солнца с зимы на лето или наступление весны, славянин-язычник верил, что вместе с теплом, цветами и травами на землю возвращаются и души умерших. Смерть – это долгая ночь, зима; с возвратом тепла могут возвращаться и мертвые» (К.М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. 1. Харьков, 1916. стр. 85-86). Собственно, празднества эти были не сугубо славянскими, а общеарийскими. Это отмечал еще В. Келтуяла в своей «Истории русской литературы» (СПб. 1912): «С трудом можно различить, где кончается русское язычество, и где начинается греко-римское (ук. соч., стр. 373).

Почти все «языческие» праздники в той или иной форме сохранились и после принятия христианства, которое долго и безуспешно боролось с ними, но потом махнуло рукой и ограничилось тем, что налепило на них христианские ярлыки. Особенно много праздников было в честь Даждьбога. Славяне верили, что у него есть враг – бог Тьмы и холода; между обоими богами происходит борьба, в которой периодически одерживает верх то один, то другой. Зимнее солнцестояние считалось моментом наивысшего торжества бога мрака, холода, зла. На следующий день, 12 декабря (25 по новому стилю), поворот солнца на лето расценивали как признак будущего торжества Даждьбога над богом тьмы. Христиане наклеили на этот день рождество Христово, а праздник святок слился с греко-римскими календами (1-5 января). Эти дни в античном мире были праздником всеобщей радости. Они сопровождались пиршествами и попойками, верили, что особенная веселость в этот праздник обеспечивает веселую счастливую жизнь на весь год. Накануне первого дня календ по домам ходила толпа молодежи с пляской и пением и получала подарки; кроме того, накануне 1 января занимались гаданиями. Все это очень знакомо нам, и не по одним колядкам. Можно вспомнить и ряженых, и сохранившийся на Украине и в Белоруссии обычай, по которому хозяин прячется за гору пирогов. Такой обряд совершался и на празднике в честь Святовита в Арконе.

«Широкая масленица», всегда отличавшаяся на Руси особым разгулом, в языческую пору праздновалась в начале весны и тоже относилась к культу солнца, энергия которого с особою силой пробуждается весной. Отсюда – необыкновенное веселье, которым этот праздник сопровождался.

Егорьев день – 23 апреля – украден христианами у бога Велеса, покровителя скота и источника плодородия. Русальная неделя, соответствующая греко-римским розариям, припечатана христианской троицей – в Греции и Риме в это время совершались поминки по умершим, и на Руси в старину Семик встречали на могилах родителей.

Основным летним языческим праздником был праздник летнего солнцестояния (9 июня, по старому стилю). В это время у греков на праздниках Деметры и Диониса совершалось очищение огнем и водой. У римлян на празднике Палилии существовал обычай перескакивать через огонь. На празднике Весты (23 июня) у римлян дома окроплялись водою, а ночью зажигали костры и прыгали через них.

Христиане не преминули изгадить и этот праздник своим Иоанном Крестителем (Купала). Но старые обычаи долго сохранялись на Украине и в Белоруссии, где в ночь на 24 июня прыгали через костры, купались, скатывали в воду зажженное колесо и собирали чудесные травы. Одновременно отмечалось завершение

любви солнца к матери-земле и происходило свободное сближение полов, причем купанье было основным обрядом, освящавшим вступление в брак.

Наконец, на праздник Перуна в конце июля христиане приклепали еврейского пророка Илью, разъезжающего с тех пор к вящему унижению нашему на своей еврейской колеснице по русским небесам.

Светлой и радостной была религия наших предков. И вот пришел конец веселью.словно мрачная туча наверху на Русь христианство со своими постными рожами и загробными карами, с крестами, мощами и прочей мертвечиной.

«Все ушло на небо, земля опустела, а земная жизнь стала служить лишь мучительным приготовлениям к жизни небесной. Человеческое тело стало антиподом духа: смерть тела – желанное освобождение для жизни вечной. Историческая концепция провиденциализма была проповедью исторической беспомощности человека, идеалом его исторического бездействия», – так описывает результаты воцарения христианства историк М. Алпатов (цит. соч. стр. 9).

Утверждают, будто христианство создало русскую культуру. На самом деле, христианство изуродовало русскую культуру, русскую душу, русский характер. Великолепно показал это в своем грандиозном, но, к сожалению, мало известном мистическом труде «Роза мира» Д. Андреев: «Сколь благоговейным ни было бы субъективное отношение метаисторика к христианскому мифу, сколь высоко бы он ни расценивал роль этого последнего в культурной истории России, но вряд ли он сможет отделаться вполне от чувства горечи и сожаления, даже какой-то безотчетной обиды при изучении любого из искусств средневековой Руси. Он почувствует, что тем росткам исконно-национального мироотношения... было зябко и мучительно тесно». «Довлела формула: «Мир лежит во зле». И любовь к нему, детская жизнерадостность, солнечная веселость и непосредственность едва осмеливались обнаружить свое существование в яркой раскраске утвари, в ярко игрушечном, я бы сказал, смеющемся стиле изразцов или резьбы, в задних планах икон, где цветы, светила небесные и сказочные звери создают удивительный фон, излучающий трогательно чистую, пантеистическую любовь к миру».

«Довлел монашеский аскетизм. И творческой деятельности отводились самые низы. Соприкосновение духовности с физической стороной любви казалось кощунством: в брачную ночь образа плотно завешивались, ибо любовь, даже освященная таинством брака, оставалась грехом».

«Довлел христианский пантеон... Истины богопознания и миропознания казались исчерпанными двумя заветами и учением отцов церкви, и всякая самостоятельная работа мысли оказалась бы подозрительной, едва ли не еретической».

«Довлело отношение к искусству, как ко второстепенному виду выражения все тех же истин христианского мифа. И светская живопись не возникала, скульптура представлялась язычеством, поэзия прозябала в границах фольклора, танец едва терпелся даже в чинных хороводах, а зачатки театральных действий жестоко выкорчевывались».

«Поражает... одна особенность, ярче всего пожалуй, сказавшаяся в храме Василия Блаженного: контраст экстерьера и интерьера. Выразительная, заставляющая невольно улыбаться от всей души жизнерадостность этих пестрых луковок и пузатых колонок, этих стен, превращенных наивно веселым узорочьем в сказочные сады... А войдешь во внутрь – и точно попадаешь в другую культуру... решетчатые окна, узкие притворы, низкие своды, тяжелые устои, суровые лики, полумрак; изгнанный наружу, вовне, миф сверхнарода – и противопоставляющий себя миру... самодовлеющий и нетерпимый миф христианский. Праруссиянство и православие. И не синтез, даже не смешение, а почти механическое разграничение сфер действия. А если уж говорить о какой-нибудь диалектике – то теза и антитеза». Яснее не скажешь. Христианство и русский дух – это отнюдь не идентичные и даже не взаимопроникающие, а диаметрально противоположные, антагонистические понятия. И еще в одном, чисто политическом отношении навредило России христианство. Вскоре после принятия его Русью, в 1054 г. произошел раскол между православием и католичеством. Это сильно осложнило и в значительной мере обрубало отношения России с Европой, до тех пор бывшие очень тесными. Киевская Русь имела династические связи с целым рядом королевских семей Европы. Раскол уничтожил эти связи. М. Алпатов присоединяется к мнению Чаадаева, считавшего церковь и татарское иго в числе факторов, затормозивших отношения Руси с Западной Европой, т.е. приведших в конечном счете к отставанию России, которое вынужден был экстренными мерами устранять Петр Великий.

Отнюдь не мирным и не гладким было шествие христианства по Руси. Как пишет С. М. Соловьев (т. 2, стр. 50-53), медленно, с большими препятствиями распространялось оно на Севере и Востоке. Первые епископы Ростовские, Федор и Иларион, принуждены были бежать из своих епархий от ярости язычников; преемник их, Леонтий, был замучен язычниками. Из славянских племен позднее всех подчинились христианству вятичи. Во второй половине XI века ими был замучен киево-печерский монах Кукша. В 70-х годах XI века в Новгороде появился волхв, который увлек за собой всю народную массу. Тогда как на стоне епископа остался только князь Глеб с дружиною. Везде и всюду мы видим

одну и ту же картину: насаждают христианскую мерзость власть имущие и делают это силой, сами притом отнюдь не просвещаясь, о чем свидетельствуют примеры обоих христианских кумиров, Константина и Владимира, который по словам одного немецкого хрониста, «принял христианскую веру, но не украсил ее добрыми делами», оставшись таким же женолюбцем, каким был во язычестве. Как со злой иронией писал о «святом» Владимире Т. Шевченко:

*Владимир-князь перед народом
Убил седого Рогволода;
Потя народ, княжну поя.
Отыде в волости своя.
Отыде с шумом и растлию,
Рогнеду эту молодую
И прогони ю, и княжна
Блуждает по свету одна.*

Возможно отзвуком того сопротивления, которое оказывалось введению новой религии, служит одна из былин об Илье Муромце, рассказывающая, как знаменитый богатырь сбил однажды маковки церквей в Киеве.

Но к счастью, неглубоко еще пустило корни на Руси христианство в первые два века своего хозяйничанья в нашей стране. Свидетельство тому – величайший памятник древнерусской литературы – «Слово о полку Игореве», вещь насквозь «языческая», в которой христианство и не ночевало, а ведь это уже конец XII века. Так постепенно, век за веком, усыхает пресловутое христианское тысячелетие, сужаются его временные рамки, очищается русская история от христианской вони.

XIII век. Страшная трагедия татарского нашествия. Под 1223 г. русской летописи записывает: «Том же лете по грехом нашим придоша языци незнаеми, их же никто ж не весть». Есть мнение, что татары овладели Русью не без помощи христианства, парализовавшего волю народа к сопротивлению. В самом деле: раз иноземное нашествие – «кара за грехи наши», значит, не отражать нужно это нашествие, а каяться и молиться. И благодарные татары оценили оказанную им услугу: они освободили от дани православное духовенство и давали митрополитам ярлыки, охранявшие их земельные владения. А церковь честно отработывала свои иудины деньги, призывая народ к смирению.

Период татарского ига – самая позорная страница в истории русской православной церкви, проводившей, как мы выразились бы на современном языке, «коллорационистскую политику». Когда в 1327 г. восстала Тверь, и после подавления восстания тверской князь Александр бежал в Псков, митрополит Фео-

гност пригрозил псковичам отлучением от церкви, если они будут укрывать «преступника». Вот так выглядела в натуральную величину церковь, в которой до сих пор многие по недоразумению видят «вдохновительницу освободительной борьбы русского народа». Этот титул церковь самозванно присвоила себе и потом настойчивой пропагандой вбивала в головы многим поколениям.

Могут возразить, дескать, сопротивление было безнадежно, и поэтому церковь поступала правильно. Но это мнение опровергает такой видный специалист, как Л.Н. Гумилев, считающий, что «отколоться от Орды совокупными усилиями всех князей было, видимо, можно» (Поиски вымышленного царства, стр. 344). Вот об этом бы и позаботилась церковь, если она в самом деле обладала моральным авторитетом: о единстве русских князей. Но такого единства ей не удалось обеспечить ни в XIV, ни в XV веке.

Одним из главных козырей в церковной саморекламе, имеющей целью заставить забыть о предательской роли церкви при татарах, служит раздутая до невероятных размеров фигура Сергия Радонежского. Некоторые современные авторы, некритически воспринимающие церковную пропаганду, продолжают усердствовать в приписывании названному деятелю несуществующих заслуг. Например, недавно Д. Жуков в повести «Владимир Иванович» («Новый мир», 1978, Ж 7) с восхищением рассказал о том, как Сергей закрыл все церкви в Нижнем Новгороде, чтобы заставить нижегородцев «присоединиться к московскому войску». Но, во-первых, ни о каком войске тогда еще речи не шло. Описанное событие относится к периоду малолетства князя Дмитрия, когда Москва и Суздаль боролись за великое княжество, опираясь на поддержку разных татарских ханов. Во-вторых, Сергей действовал не самостоятельно, а с санкции митрополита Алексея, фактического правителя Московского княжества в малолетство Дмитрия. В-третьих, в Куликовской битве нижегородцы не участвовали, а в 1382 выступили на стороне Тохтамыша.

Поднял Русь на борьбу не Сергей, а великий князь Дмитрий. Церковники же хватили князя за руки. «Духовенство говорило, что подобает утолить ярость Мамаеву великой данью и дарами» (Д. Иловайский. Куликовская победа Д.И. Донского, М., 1880, стр. 10). И когда Дмитрий поехал к Сергию, то первое, что он услышал от Сергия: «Почти дарами и воздай честь нечестивому Мамаю, да, видев, твое смирение, господь бог вознесет тебя, а его неукротимую ярость и гордость низложит» (там же., стр. 15). И Пересвета и Ослябю Сергей послал на битву не по своей инициативе, а Дмитрий их у него выпросил, поскольку знал Пересвета, в миру – брянского боярина Александра, как отважного и опытного воина.

Не случайно после смерти митрополита Алексея, одного из немногих русских митрополитов (обычно этот пост занимали греки, так что христианство было в России вдвойне чужеродным телом), Дмитрий выдвинул в его преемники не Сергия, а архимандрита Михаила (Митяя). Против этой кандидатуры выступил суздальский епископ Дионисий, которого поддерживал Сергий. Дмитрий и его ставленник хотели основать в Москве независимую от Константинополя митрополию, но Византия усиленно навязывала своего кандидата – Киприана, которого поддерживала также Литва, а московские власти, естественно, опасались как проводника чужеродных влияний. Киприан тайно пробрался в Москву и тайно встретился с поддержавшим его, опять-таки против воли великого князя, Сергием, но был изловлен и выслан.

В 1381 году Сергий все-таки убедил Дмитрия принять Киприана и этим только навредил русской земле, потому, что прав-то был в своих подозрениях великий князь. В 1382, во время нашествия Тохтамыша, Киприан трусливо бежал из осажденной Москвы, чем вызвал анархию в ней и способствовал ее падению. Словом, Сергий в своем лесу, может быть и был на месте, но делать из него политического деятеля и национального героя нет решительно никаких оснований. Удобным каналом для проникновения в Россию прямой иностранной агентуры оставалась церковь и в следующем XV веке. Накануне Флорентийского собора русским митрополитом, назначенным по настоянию Константинополя и вопреки воле великого князя Василия Васильевича, стал Исидор, единственной целью которого было подчинение России папскому престолу. Но Флорентийская уния 1439 г. несмотря на старания Исидора, осталась мертворожденной – в Москве его моментально арестовали по приказу великого князя (потом Исидору удалось бежать в Рим). Опять, как и в дни Куликовской битвы, главным бойцом за независимость России выступила светская власть, а не духовенство. За поклонником пап в русской церкви объявились поклонники испанской инквизиции. Таковыми заявили себя в конце XV в. новгородские архиепископ Геннадий, знаменитый Иосиф Волоцкий и московский митрополит Даниил. На Руси запали костры, за хранение и чтение иностранных книг в Москве сожгли князя Лукомского, в 1504 г. в Москве, как еретики, были сожжены Иван Волков, Михаил Коноплев, Иван Максимов, а в Новгороде – Некрас Рукавов. Позже их участь разделил юрьевский митрополит Кассиан. В 1554 г. сожгли Матвея Башкина, проповедовавшего, что рабство несовместимо с христианством (см. книгу Е. Грекулова. «Православная инквизиция в России»). И сегодня новоявленные христиане часто грозят своим идейным противникам, что будут жечь их в срубках. Таких христиан нужно давить уже теперь, пока еще не поздно, пока они еще слабы и пока небеса России снова не затянул дым от костров. Церковь препятствовала распространению светских наук и именно на ней лежит значительная доля вины за отставание России от Западной Европы. «Богомерзостен перед господом всяк, любящий геометрию», – учили духовные пастыри. В 1551

г. Стоглавый собор запретил заниматься рядом наук, в том числе астрономией. В 1568 году по наущению церковников была разгромлена первая русская типография, а смерд Никитка, изобретший летательный аппарат, сожжен «за содружество с нечистой силой». Авторитет церкви был, видно, все же не столь велик в народе, как авторитет светской власти. Когда митрополит Филипп попробовал выступить в защиту громимой Иваном Грозным боярской оппозиции, над мешающими под ногами главой церкви живо устроили инсценированный процесс, низложили и заточили в монастыре. Народного возмущения эта мера не вызвала, и вряд ли дело только во всеобщем страхе, возможно, массой двигал и верный политический инстинкт. От боярских склок добра ждать для страны не приходилось, и митрополит, очевидно, действовал в силу своей принадлежности к определенному слою, а не из человеколюбивых или либеральных побуждений.

Во время страшного голода 1601-1603 гг. на высоте оказалась опять светская власть, а не церковь. Борис Годунов велел раздавать голодающим хлеб из казенных житниц, тогда как патриарх, имея полные амбары хлеба, придерживал свои запасы, выжидая, пока цены поднимутся еще выше. Смута была естественным последствием голода. А организаторы голода не есть ли и организаторы смуты?

Православная братия будет, конечно, отбиваться, грамотами патриарха Гермогена, которые тот рассылал, призывая русский народ ополчиться на поляков. Но грамоты эти относятся к 1610, году, когда уже была в разгаре прямая польская интервенция, а не лучше ли обратиться к первым годам смуты и к личности Федора Никитича Романова (отца основателя династии), которого первый самозванец сделал митрополитом, а второй – «параллельным патриархом»? После освобождения Москвы этот ставленник самозванцев возводится уже в настоящие патриархи и становится фактическим правителем государства при своем номинально царствующем сыне Михаиле, Гордись, русская церковь! Плачь, русская земля!

Впрочем, церковники и впрямь хотели, чтобы русские только плакали, а не веселились, В 40-х гг. XVII века христианские ханжи из группы т.н. «ревнителей благочестия» побудили молодого царя Алексея Михайловича издать указ против скоморохов. «В одной Москве десятки возов набивали музыкальными инструментами, отнятыми и в боярских, и в дворянских, и в домах посадских людей. И жгли, жгли, жгли» (Дм. Жуков. Аввакум Петров «Русские писатели XVII века», стр. 39).

Лавры Филарета (Ф. Н. Романова) и римских пап не давали спать патриарху Никону, и он впервые в истории России вознамерился поставить церковную власть выше светской. Но и на этот раз светская власть оказалась все же сильнее.

Смуты низложение Никона, как и низложение митрополита Филиппа при Иване Грозном, не вызвало. Сходство этих двух событий Алексей Михайлович, очевидно, осознавал и, перестав стыдиться своего предшественника на престоле, наоборот, занялся его реабилитацией. А затем наступает самое мрачное время в бесславной истории христианства на Руси – раскол. Дикие изуверы, вроде Аввакума (как ни странно, находящие до сих пор поклонников), заражая людей своим безумием, возбуждают среди своих сторонников неистовый фанатизм. Только недавно горели музыкальные инструменты – теперь начинают гореть люди. Волна массовых самосожжений (то же самое происходит в Северной Африке в начале V в., во времена движения донатистов) прокатывается по Руси. Тысячи обгоревших трупов – вот плоды христианства на русской земле! Да было ли когда-нибудь в человеческой истории вероучение более омерзительное?! Воистину, дьяволом во плоти, а не «сыном божьим» только и мог быть его основатель!

Официальная церковь по известному методу гасила огонь огнем. В 1681 году собор во главе с патриархом Иоакимом (который говорил, что для него свято лишь слово начальников) решил сжигать еретиков. Первым эта участь постигла Аввакума с тремя его сподвижниками, потом других, а в 1685 году накануне пасхи (радуйтесь, люди православные!) было сожжено около 90 человек. Церковный раскол стал угрозой для русского государства. Во время мятежа 15 мая 1682 г. стрельцы, предшествоваемые папами, ворвались в Кремль и учинили дикую резню. Маленький Петр на всю жизнь запомнил этот ужас. Став взрослым, он понял, что пора кончать с церковью. Пора научить ее знать свое место, отодвинуть на задний план. И он сделал это. Он покончил с господством церкви, которым та обязана татарам, превратил Россию в светское государство и уже одним этим заслужил звание Великого, даже если бы он и не совершил большего, не вывел Россию в ранг мировой державы.

В 1698 г. снова взбунтовались стрельцы. Решающее сражение произошло 18 июня у Воскресенского монастыря. Попы несли впереди иконы и кресты, ободряя мятежников. Когда по ним был дан залп в воздух, попы закричали, что сам бог не допускает оружию еретическому вредить православным, и стрельцы, сотворив крестное знамение, бросились вперед. Их встретили картечью. Еретическая картечь оказалась сильнее креста. Когда читаешь об этом, поневоле думаешь, что и сегодня пора бы уже сыпануть по крестам картечью!

Со времен ранних славянофилов стало модным, поносить Петра. В своей антирусской поэме «Россия» юродствующий христианский выкормыш М. Волошин с отвращением писал:

*«На медведях, на свиньях, на козлах
Царь в чине протодьякона ведет
По Петербургу машкерную одурь...»*

Но так и надо было. Так и надо. И когда Петр в ответ на просьбу о назначении патриарха вытащил кортик и сказал: «Вот вам патриарх», – он тоже был прав. И постоянно обращаясь мыслью к этому великому творцу новой, еще более могучей России, проникаешься все более крепкой уверенностью в том, что не безнадежно изгажена христианством русская почва, что возможны и на ней грандиозные взлеты, возвышающие всю страну и освобождающие, дух человеческий от оков, скованных для него христианскими кощесами.

Чтобы дискредитировать Петра, доказать его якобы чужеродность, ему приписывают низкопоклонство перед иностранцами. Но это злонамеренная клевета. А. С. Пушкин, анализируя записки одного из подвизавшихся при Петре иностранцев, Морде-Бразе, с удовольствием отметил: «Моро не любит русских и недоволен Петром; тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него поневоле. С какой простодушной досадою жалуется он на Петра, предпочитающего своих полудиких подданных храбрым и образованным иностранцам». Небезынтересно вспомнить и слова Петра, сказанные им еще во время первой поездки в Европу бургомистру Амстердама, просившему разрешения для местных евреев селиться в России: «Ты знаешь своих жидов, а я своих русских; твои не уживутся с моими; русский обманет всякого жида». Петр и в этом вопросе следовал примеру своего великого предшественника Ивана Грозного, заявившего: «Жидам ездить в Россию с торгами не пригоже». И позже Петр оставался верен единожды занятой им позиции: «Я хочу видеть у себя лучше народы магометанской и языческой веры, нежели жидов: они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложу его. Не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о сем ни стараются и как ближних ко мне ни подкупают». И не случайно именно наследницы Петра, его жена Екатерина, и дочь Елизавета, дважды, 26 апреля 1727 и 2 декабря 1742 года издавали указы о высылке евреев из России. Не поэтому ли так ненавистны они разным волошиным?

Гений русской государственности Петр I predetermined своей деятельностью появление двух других великих фигур: гения русской науки Ломоносова и гения русской литературы Пушкина. Именно благодаря Петру, освободившись от церковных пут, стала быстро развиваться светская наука и, хотя синод и требовал сжечь произведения Ломоносова, в тупой злобе своей он уже не в состоянии был остановить историческое развитие.

А разве возможен был бы без Петра Пушкин, который, осознавая это, увековечил в своих бессмертных стихах великого государя и его город? Пушкин, типич-

ный характер великой эпохи Возрождения, столь ненавистной Г.М. Шиманову и, к моему глубочайшему сожалению, осветившей своими отблесками Россию с большим опозданием. Петр впервые принес ее в Россию чисто механически, в таланте Пушкина она уже органически расцвела на русской почве цветком невиданной красоты. Поэзию Пушкина с ранних лет вдохновляли прекрасные образы «языческой» античности, а не лики христианских святых с неподвижными глазами идиотов.

Косятся христиане и на Лермонтова, будучи напуганными названием его поэмы «Демон» и, очевидно, не давая себе труда прочесть саму поэму. Некоторые фанатики доходят до того, что объявляют Лермонтова «жидом». Между тем, к лермонтовскому Демону стоит присмотреться и сравнить его с байроновским. У Байрона Люцифер – великий учитель, открывающий Каину, изображенному как положительный персонаж, тайны мироздания – типично, масонская трактовка. У Лермонтова Демон – опустошенное существо, ненавидящее и презирающее все в мире, отнюдь не могущее вызывать никаких симпатий и, в конечном счете, терпящее поражение. Огромная разница! Лермонтов и о Наполеоне писал отнюдь не памфлеты, но можно ли на основании этого зачислять его в наполеоновские агенты? Ведь он же написал и «Бородино».

Зато дальше начинаются козырные карты христианства – Гоголь, Достоевский, Лев Толстой... Именно их торжествующе бросил на стол И.В. Шафаревич, беседуя с американским корреспондентом К. Реном. Вежливый иностранец не поинтересовался, не крапленая ли колода, ну а нам вилять не пристало, давайте порусски, без церемоний. Гоголь... Ранние его повести – богатейший источник для изучения вопроса о верованиях древних славян. В этот совершенно «языческий» мир христианство вторгается просто как некий элемент магии, молитва служит заклинанием, крест – амулетом. В поздних своих вещах Гоголь – либо бытописатель, либо создатель фантазмагорий, но никогда не христианский проповедник, в этой роли он выступил только в своей публицистике, а свои художественные произведения, в отличие от Достоевского и Л. Толстого, идеологией не наspiговывал.

Но вот, наконец, выпускает Гоголь свои знаменитые «Выбранные места из переписки с друзьями», столь усердно облизуемые современными неохристианами. Снизошла, так сказать, на человека благодать, должен же он по идее, новые силы обрести после этого, испытать душевный подъем, сказать миру что-то важное, неслыханное, и притом со всей мощью своего таланта. А что произошло на самом деле? Душевный кризис, сожжение своего последнего произведения, фактическое самоубийство. Причину смерти можно диагностировать так: христианская чума в самой острой форме. Христианство убило сначала ху-

дожника, а потом и человека. А убийцы теперь с бесстыдной наглостью записывают свою жертву в число своих духовных чад и отцов одновременно.

Достоевский. Главный кумир «нынешний». Духовное явление колоссальной, несравненной глубины и силы, но вот какому ведомству оно относится, об этом еще можно поспорить. Здесь далеко не все так ясно, как кажется на первый взгляд и как слышится в назойливых рефренах хвалебных песнопений православного хора.

Попав на каторгу в числе участников оппозиционного кружка, Достоевский с особенной остротой ощутил, какой чудовищный разрыв существует между тем обществом, к которому он принадлежал, и его кругом идей, с одной стороны, и простым русским народом и его образом мышления, с другой. В тех условиях, в каких оказался Достоевский, такой разрыв был попросту неизбежен для человека, выделяющегося из общей массы. Вспомните, как в «Преступлении и наказании» каторжане вдруг набрасываются на Раскольникову и кричат ему: «Ты в бога не веруешь! Убить тебя надо!» хотя «он никогда не говорил с ними о боге и о вере». Но Достоевским в его духовной эволюции двигал, конечно, не страх за себя, а искреннее стремление мыслить и чувствовать одинаково с народом. Тем же мотивом руководствовались и славянофилы, о которых Герцен писал: «Они полагали, что делить предрассудки народа – значит быть с ним в единстве, что жертвовать своим разумом, вместо того, чтоб развивать разум в народе – великий акт смирения». Достоевский пришел к богу через народ, и можно даже рискнуть усомниться, дошел ли он вообще до бога или пришел только к народу, обоготворив народ, объявив его «народом-богоносцем», и одновременно сделав бога сугубо народным и в качестве такового только его и приняв.

На эту гипотезу наталкивает одно любопытное место в «Бесах». Ставрогин беседует с Шатовым, в уста которого Достоевский вложил много своих мыслей, что подтверждается почти буквальными аналогиями из «Дневника писателя». Шатов так излагает свое кредо: «Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России»... «А в бога? В бога?» – с неумолимым ехидством допытывается Ставрогин. «Я... я буду веровать в бога», – выдавливая из себя Шатов.

Получается очень интересная картина. Оказывается, можно верить и в Россию, и даже в православие и в «тело Христово», которое фигурирует здесь опять-таки в плане тезиса «народ – это тело божие», и не верить в бога.

Скажут, Шатов – не Достоевский. А я и не утверждаю, что Достоевский не верил в бога. Я только сомневаюсь, что верил. Уж слишком исступленно он кричал, словно заставляя, словно приневоливал себя верить. Когда следишь за этими

попытками Достоевского, поневоле представляешь себе взрослого человека, притом весьма солидных размеров, который с невероятным трудом, скорчившись в три погибели, пытается уместиться в детской колыбельке и притом с вымученной улыбкой уверяет всех и каждого, что он наверху блаженства.

Достоевский говорил, что его «осанна» прошла через большое горнило сомнений. Прошла-то прошла, но вышла ли? Знаменитая глава «Бунт» в «Братьях Карамазовых» обладает невероятной богоборческой силой. На вопросы, заданные Иваном Карамазовым, христианство не в состоянии ответить ничего вразумительного, как ничего не мог ответить и библейский бог Иову, кроме как впасть в амбицию. В то же время индуизм и буддизм очень легко справились бы с подобными атаками, и не случайно Л. Толстой советовал Достоевскому познакомиться с буддизмом. В рамках же христианства и сам Достоевский не смог опровергнуть своего такого нелюбимого, такого отрицательного героя. Не получилась «осанна», крик души Ивана Карамазова ее заглушает.

В той же главе наносится не менее мощный удар и по церкви. Хотя задумывая свою «легенду о великом инквизиторе» Достоевский метил в католицизм и социализм, сфера разрушительного действия изобретенного им оружия гораздо шире, чем он предполагал. Инквизитор ставит во главу угла «Чудо, тайну и авторитет» и откровенно признается Христу. «Мы не с тобой, а с ним», т.е. с дьяволом. Инквизитор упрекает Христа, что тот не совершил чуда и не сошел с креста, когда толпа предлагала ему сделать это, чтобы уверовать в него. Но чудо это все же совершили потом ловкие люди, вроде Павле, сочинившие, пользуясь шаблонными колодками восточных мифов о воскресающих богах вроде Озириса, Таммуза, Адониса или Адонирама из масонской легенды, новый миф о воскресшем Христе. Вокруг этой удачной выдумки и вертелась вся проповедь Павла. Для него совершенно не имело значения, что говорил или делал Иисус при жизни, главным для Павла (как и для новоявленного сатаниста Р. Штейнера, проповедовавшего совсем недавно, что дух святой – не кто иной, как вновь обратившийся к богу Люцифер), была «мистерия Голгофы». Христианскую религию, в той мере, в какой она держится именно за свою мифологическую часть и делает на нее упор, можно с полным правом называть «паулизмом». Именно Павел, как и великий инквизитор (который, не будем забывать, не с Христом, а с «ним»), строил все на чуде. «Если Христос не воскрес, то вера наша тщетна». На этом же чуде стоит до сих пор и все христианство в целом, включая и православную церковь. Значит, она тоже «с ним»?

Вот какие мины подвел Достоевский под то, чему сам же поклонялся. Вот на каком ненадежном фундаменте пытаются строить свой храм наши неохристиане. Ох, не взлететь бы им на воздух! Ох, хорошо бы и в самом деле взлетели! То-то было бы «вознесение»!

Очистить христианство от сатанинских чудес попытался другой русский гений – Лев Толстой. Уж его-то совсем напрасно приплетают Шафаревич в свою компанию. Что-то не слышал я, чтобы Толстой пользовался особой популярностью среди наших неохристиан. Наоборот – «еретик», «анафема», «мы его и знать не хотим». Беспроигрышную лотерею пытаетесь устроить, господа! Когда нужно очки в пользу христианства набирать, когда нужно списки составлять – тогда вы зовете Толстого. А когда доходит до того, чему учил Толстой, тут вы от него рыло воротите, как от «еретика». Но не выйдет ваш фокус, не выйдет! Если уж солидаризируетесь с теми, кто отлучал Толстого, так уж не беспокойте его тень своими сомнительными комплиментами, а если признаете Толстого, то имейте смелость выполнить хотя бы ту программу минимум, которую он предлагал.

Лев Толстой считал главной ошибкой церкви признание ветхого завета «бого-вдохновенным» писанием. «Наши церкви, – писал он, – постигла та странная историческая судьба, заставившая их против здравого смысла соединять в одно несоединимые, прямо противоположные учения: христианское и еврейское»... «Сделалось это вследствие ложного учения Павла... по которому непонятое учение Христа было представлено как продолжение учения евреев» (Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 99-100). Ветхий завет Толстой из принципа не читал, называл еврейского бога, «диким получудовищем» и возмущался рассыпанным повсюду в этой омерзительной книге призывами к убийству.

Оценке, данной Толстым, следует в своей поэме «Падение Перуна» и современный поэт Игорь Кобзев.

*Хоть писание это святым зовут.
Трудно книгу сыскать развратнее...*

В. Бегун называет «Тору» непревзойденным учебником кровожадности, лицемерия, предательства, коварства, моральной распущенности – всех низменных человеческих качеств. Об этом помалкивают и иудейские и христианские святоши» (Вторжение без оружия, стр. 40).

Впрочем, христиане не помалкивают. Они просто в восторге от того, что ходят в еврейской упряжке. При всех достоинствах позиции Льва Толстого, нельзя не видеть ее половинчатости. С гораздо большей решительностью выступил в лучшие свои времена В.В. Розанов. Он ударил уже не по периферии христианства, а по самой его отвратительной сути. Он показал, что в основе своей это было учение, глубоко враждебное жизни. Тот, кто принес его в мир, явно ставил своей главной целью уничтожение жизни на земле. Ну а кто мог явиться с подобной миссией – понятно. Достойный сын достойного отца. Отец пытался уничтожить человечество потопом, сын – более хитрым способом, отравлением душ

изнутри, в результате которого человек начинал испытывать отвращение к жизни. И у Розанова мелькнула гениальная догадка: Христос – дьявол.

Но дьявольский план не удался. «Люди все-таки рождали. В этом одном христианство, как выразился Достоевский, и не удалось. А не удалось оно в этом одном, то не удалось и во всем; ибо это-то и есть «все» его – сущность, основание и цель» (В. Розанов. Темный лик, стр. 69). Со всей страстностью обрушился Розанов на аскетизм, видя в нем «не только грех, но до некоторой степени весь грех, полный грех, целый грех» (там же, стр. 80). «Обращение к богу людей, так или иначе аномальных в поле... и образовали весь аскетизм... только в то время как в других религиях он занимал уголок, образовывал цветочек – христианство собственно состоит все из него одного» (там же, стр. 177). Развенчав христианский идеал импотенции и скопчества, Розанов закончил проклятием в адрес его проповедников: «Чем человечеству сходить в могилу, лучше вы, содомитяне, в нее сходите» (там же, стр. 145). Позже Розанов чего-то испугался и побежал каяться в церковь, но слово-то было сказано. А каялся Розанов потом и перед евреями. Годы великих потрясений, пережитых нашей страной в начале нынешнего столетия, принесли с собой банкротство христианской церкви в России. Церковь не смогла стать руководящей духовной силой, направить массы на путь истинный, вдохновить, указать цель. И если подводить баланс, то оно, в общем-то, и хорошо, что революционная волна смыла с России христианство, это один из самых положительных результатов революции.

Но вот прошло несколько десятилетий – и черная христианская чума опять вылезает из щелей, отравляет молодежь, пользуется тем духовным вакуумом, который создан в результате догматизации и засуживания ныне господствующей идеологии; пользуется пережитыми нами трагедиями, злорадно каркая «Вот она, кара-то, за то, что бога забыли»; пользуется зарубежной поддержкой со стороны тех сил, которым нужен развал и распад России и которые видят в христианстве потенциальный аккумулятор оппозиционных элементов, и начинает претендовать на роль некоей альтернативы тому, что мы имеем теперь, на роль духовного вождя.

Эти «духовные вожди» оказались несостоятельными шестьдесят лет тому назад. Думаю, что и теперь их ждет позорное фиаско.

Чему христианство может быть альтернативой? Догматизму и начетничеству? Оно само страдает этими пороками в гораздо большей степени, чем кто бы то ни было. Заучив несколько молитв и формул, христианский неопит уже начинает высокомерно смотреть на окружающих: он, видите ли, возвысился, на него снизошла «благодать», другие люди, которые больше него и думали, и пережили, для него теперь существа второго сорта. Механически перенося совсем в дру-

гую эпоху лозунг Достоевского «не православный не может быть русским», он по сути дела лишает права называть себя русским подавляющее большинство русского народа, лишает этого права миллионы солдат, погибших за Родину в годы войны. Самый отвратительный сектантский дух царит сегодня в «православных кругах».

Христиане обвиняют коммунистов в терроре и кровопролитии. Но коммунисты вправе возразить: «мы ведь всего 60 лет у власти и то у нас и без вашей помощи уже 20 лет назад совесть заговорила, а вы, христиане? Давно ли вы стали такими цивилизованными и добренькими? Вы же полторы тысячи лет истребляли людей и «без пролития крови», и с пролитием, а нас попрекаете? Лучше в своем глазу бревно-то поищите!

Но самое главное, чем улавливает сегодня души Христианство, это тем, что выдает себя за «традиционную русскую веру», за «душу русской культуры». Тем, кто выступает против христианства, его приверженцы говорят: Наша вера существует 2000 лет и вдруг вы приходите и собираетесь ее опровергнуть? Россия не знала никакой другой веры: Это вера наших предков, неужели вы считаете их за дураков?

Что касается предков, то нет, не считаю. А вот потомкам не мешало бы быть поумней.

Даже если предположить, что христианство имеет какие-то заслуги перед Россией в прошлом, все равно, нужно же учитывать особенности того времени, в какое мы живем. А главная из этих особенностей состоит в том, что впервые за всю историю Россия находится в состоянии конфронтации с организованным мировым еврейством. В этой борьбе брать на вооружение ту же идеологию, из которой черпают вдохновение иудаизм и сионизм, идеологию, проповедующую «богоизбранность» еврейского народа, значит заведомо обречь себя на поражение.

Еще в прошлом веке, когда не было ни Израиля, ни сионизма, церковная терминология могла восприниматься как чистая абстракция, но сегодня она просто режет уши. Когда слышишь: «Коль славен наш господь в Сионе», поневоле думаешь, что речь идет о Теодоре Герцле, а когда восхваляется «слава сынов твоих, Израиле», – что имеется в виду Моше Даян. А за какие грехи русских новобрачных обзывают Исааком и Ребеккой и приглашают ликовать по этому поводу какого-то Исаяи? Как может сегодня русский человек молиться «богу Израилеву», «богу Авраама, Исаака и Иакова»?

Вчера христианин мог быть кем угодно, сегодня для него будет правильным только одно определение: христианин – духовный раб еврейства. А те, не в состоянии стряхнуть с себя иго этого духовного рабства, не заслуживают лучшей участи, кроме как попасть в конечном счете и в рабство физическое.

Теперь в России нашелся, наконец, один смелый человек. В.Н. Емельянов, который дал христианству то определение, которого оно только и заслуживает – «предбанник иудаизма». Христианская церковь в нашей стране – единственная легально существующая организация, ежедневно ведущая широкую сионистскую пропаганду. Были подтверждения правоты Емельянова и с противоположной стороны. Знаменитый английский премьер, еврей Дизраэли, говорил: «Христианство – это иудаизм, насколько он доступен большинству, а всё-таки иудаизм». И не случайно сегодня православный сионист М. Агурский призывает христиан и евреев объединиться против русского «неоязычества». Он верно чувствует главную опасность и единственного действительного противника.

С христианством-то евреи справятся в два счета, подомнут под себя и заставят работать на себя. Микрокосмос в этом отношении может служить Ливан, где местные христиане кладут свои головы за интересы Израиля. Да и в мировом масштабе именно представители христианских государств голосовали против резолюции, объявляющей сионизм формой расизма. Именно христианские государства стали в конечном счете добычей евреев и их надежным оплотом.

И сколько бы ни пыжились некоторые христиане доказать свои антисемитские чувства, у них ничего не получится. Тысячу раз прав был Ницше: воистину смешно быть антисемитом, являя собой последний еврейский вывод. Сам Ницше, кстати, вовсе не был антисемитом, но зато он, как никто другой, внутренне освободился от еврейства. Это и нужно сегодня в первую очередь; не какие-то административные меры против еврейства, такие меры никогда не приносили положительных результатов, а только создавали одним репутацию извергов, а другим – ореол мучеников, нужна же выработка иммунитета у своего народа и у самих себя против воздействия чужеродной идеологии. Или мы сумеем выработать такой иммунитет, или нас сомнут. Без дискредитации христианства, борьба с еврейством ничего не даст. Евреи опасны не своим прямым, а косвенным влиянием, как злокачественная опухоль опасна не столько сама по себе, сколько своими метастазами. Об этом и предупреждало некогда входившее в канон послание Варнавы: главный враг – не сами евреи, а иудейство, исходящее из ветхого завета, которое будет снова и снова приобретать опасную власть над христианством, даже если на свете не останется ни одного еврея.

В рамках христианства наши противники имеют богатейший набор возможностей в нужном им направлении. Иудео-Христианство, представляемое сегодня у

нас матерым идеологическим диверсантом, православным священником – евреем Александром Менем и минским мистиком В. Зайцевым, – только самый грубый и откровенный вариант такого воздействия, а про запас есть и павлово «ни элина, ни иудея», и сугубый упор на «духовность» в противовес «зоологическому подходу (хотя сами евреи отлично понимают его важность, дабы не «смешалось семя святое с народами иноплеменными», Ездра, 9, 2), и комплекс антинациональных идей Владимира Соловьева, которыми было отравлено целое поколение русских философов – Н. Бердяев, С. Булгаков и компания – и многое, многое другое. Что же – держаться за все это хозяйство только из уважения к предкам?

Предков надо уважать, но надо и понимать положение, в которое они попали. Дело вовсе не в их глупости. Судьба нашего народа, в духовном плане, как и всей западноевропейской цивилизации, невероятно трагична.

Заразившись от умирающей Римской империи трупным ядом христианства, германцы и славяне лишились возможности органически развивать свое собственное мировоззрение. Единственным местом, где такое развитие происходило, была (и остается) Индия, но историческая судьба разметала арийские народы по обширным пространствам и нарушила их связи между собой. Правда, Александр Македонский дошел до Индии и в возникшем позже на восточной окраине его империи Греко-Бактрийском царстве начал распространяться буддизм, но потом нить снова оборвалась и надолго.

Какой же выбор имели наши предки в X веке? Фактически никакого. Со всех сторон им предлагали только идеологии семитского происхождения: две разновидности христианства, ислам, иудаизм. Индия была далека и неведома, а зороастрийский Иран был завоеван арабами и обращен в ислам. Последнее событие объяснялось вовсе не превосходством ислама над зороастризмом, а тем, что Иран и Византия взаимно истощили свои силы в долгих войнах. Еще в 618 г. персидские войска занимали Египет, а в 625 г. стояли на Босфоре, но проходит всего пара десятилетий – и Иран теряет свою самостоятельность, а Константинополь в 717 г. осаждают уже не персы, а те же самые арабы.

Наша собственная религия к тому времени еще не успела организовать и устоять, понятно, не могла. Против регулярной армии может с успехом бороться только регулярная армия, Такие «армии» были в Индии и Персии, но даже греко-римский мир ими не обладал. Он достиг колоссальных высот в области философии, но это были лишь достижения очень узкого образованного круга, о массах же этот круг не думал, а массам нужна была не философия, а религия. Однако ни римляне, ни греки не принадлежали к числу народов с религиозным

складом ума: первые проявили свой гений в области государственного строительства, вторые – в художественном творчестве.

Поэтому Европа долго и не могла найти духовной альтернативы христианству, античный мир в этом деле не был ей достаточно сильным помощником. Зато непревзойденные достижения античного искусства позволили повести контрнаступление на христианство в эстетической области и добиться замечательных успехов. В этом непреходящее значение прекрасной эпохи Возрождения, которая до нас, как я уже говорил, дошла, к сожалению, с большим опозданием.

Только в конце XVIII века родные ветры снова долетели до Европы. В 1771 г. Анкетиль дю Перрон познакомил Запад с Авестой, что вызвало переполох в среде церковников. В 1785 г. Чарльз Уилкинс опубликовал первый перевод «Бхагавадгиты», в 1796 г. Уильям Джонс – «Законы Ману». Начало XIX века ознаменовалось выпуском «Упанишад» в переводе того же Анкетилия дю Перрона. Впечатление было колоссальным. Фридрих Шлегель пишет книгу «О языке и мудрости индусов», а Шопенгауэр вводит достижения индийской мысли в европейскую философию. Шопенгауэр назвал «Веды» «плодом высочайшего человеческого познания и мудрости, коего ядро дошло, наконец, и нам в Упанишадах, как величайший подарок этого столетия» («Мир как воля и представление». Перевод А. Фета, стр. 371). Для Шопенгауэра стало ясным, какую злую шутку сыграла с нами история, ему открылась та истина, что «надо вообще считать великим несчастьем, что народ, коего бывшая культура должна была главным образом лечь в основание нашей, не был, например, индусами, греками или хотя бы даже римлянами, а был именно этими евреями» (там же, стр. 240). Шопенгауэр издевался над христианскими миссионерами и пророчески изрек: «В Индии наши религии никогда не укоренятся, напротив того, индийская мудрость проникает обратно в Европу и произведет коренное изменение в нашем знании и мышлении» (там же, стр. 372-373).

Дошла эта мудрость и до России, и вот уже Лев Толстой называет рядом, как равновеликие, имена Будды и Христа, не в пример христианам серийного производства, всячески старающимся оплевать и унижить другие религии. От Толстого духовные нити протягиваются к Ганди, два великих мыслителя после тысячелетней разлуки снова роднят два великих народа, а позже эту связь самой жизнью своей закрепляет замечательный русский художник Н.К. Рерих – полномочный посланник русской культуры в Индии и индийской – в России.

Две тысячи лет, говорят христиане, существует их вера? Буддизм и зороастризм старше на несколько столетий, индуизм – на полтора тысячелетия. Если уж применять этот не очень корректный прием «удушения бородой», то и здесь христианам не светит.

Христианам говорят, будто это все не наше. Врут. «Не наше» как раз ихнее христианство, а индуизм – религия братского народа, изучая которую мы открываем свое, родное – то, что было нашим тысячу лет назад и чего лишил нас проклятый христианский мор. Близость и родство языка и религии древних славян и древних ариев великолепно показаны в вышедшей недавно книге Н.Р. Гусевой «Индуизм» (М.,1977).

Что же нам делать?

Посмотрим по порядку, из чего мы можем выбирать. Во-первых, официальная идеология – марксизм-ленинизм. Она, безусловно, переживает кризис. В кругах оппозиционной интеллигенции стало модным в грош ее не ставить и всячески поносить. Между тем, с политической точки зрения эта идеология, несмотря на все свои недостатки, представляется все же лучшим вариантом, чем христианство, уже хотя бы потому, что не проповедует «богоизбранность» еврейского народа.

Правда, один из основоположников этого учения, давший ему свое имя, был еврей. Но он не обожествлен и занимает второстепенное место даже в официальном пантеоне, не говоря уже о народном сознании. Зато Ленин для народа стал вместо Христа символом правды и справедливости, притом действенной, а не только словесной, и очень сомнительно, что христианам удастся произвести обратный переворот.

Правда, Ленин был окружен довольно густой толпой евреев, но большинство их потом сошло в историческое небытие, а ряд особенно вредных предан анафеме. Марксизм у нас обрусел очень быстро, гораздо быстрее христианства, и это опять очко в его пользу.

Русификация марксизма облегчается отсутствием у него той тяжелой идейной подкладки, которая тянет за собой не одно христианство, но и каждого, кто подпадает под его влияние. Маркс строил свою теорию не на Ветхом Завете, а на сочинениях немецких, французских и английских мыслителей. Мало того, в своей знаменитой статье «К еврейскому вопросу» Маркс поставил перед всем человечеством задачу «эмансипации от еврейства». Очень интересны высказанные им в этой связи мысли о соотношении между еврейством и христианством: «Христианство есть перенесенная в заоблачные выси мысль еврейства». «Христианство только по видимости преодолело реальное еврейство». «Христианство возникло из еврейства... Оно снова превратилось в еврейство». «Практически еврейский дух удержался в самом христианском обществе и даже достиг здесь своего высшего развития». Все эти положения сегодня очень кстати,

и в той борьбе, которая сегодня ведется, они делают для нас Маркса более ценным союзником, чем Иисус.

Отношение наших нынешних христиан к социализму различно. Некоторые из них напрочь отрицают социализм, и я надеюсь, что они именно на этом и сломают себе шею, поскольку идея социализма глубоко укоренилась в народе. Народ отнюдь не идеализирует реальный социализм, но превосходство самого принципа над другими общественными системами считает несомненным.

Другая часть христиан лояльно относится к существующему строю и сетует только на официальный атеизм. Эта часть надеется, что на членов ЦК КПСС когда-нибудь, как на апостолов, снизойдет святой дух, и они, толкая друг друга, толпой побегут прямо из Кремля креститься в бассейне «Москва». Блажен, как говорится, кто верует, но вариант сомнительный.

Атеизм не удовлетворяет духовные запросы общества – это сегодня совершенно ясно. Религия необходима – но какая?

Христианство? Только не оно! Да минет нас чаша сия! В том виде, в каком мы его сегодня имеем, оно совершенно неприемлемо. В том идеологическом лапсердаке, в котором оно сейчас красуется, просто неприлично появляться в обществе. Самое меньшее, что должны сделать христиане и без чего с ними вообще не стоит разговаривать, как с предателями нации и расы, – это деканонизировать ветхий завет и послания Павла, как предлагал сделать Лев Толстой. Кое-кто из христиан, я знаю, допускает такую возможность, но никто из них, я думаю, не осмелится выступить с подобным предложением – «свои» сожрут. А пока этого не будет сделано, будут восходить плевелы, вроде Меня и Зайцева, как восходили они с первых веков христианства на Руси, потому что «существуют прямые указания на существование в XI веке какого-то уклона в сторону иудейства даже в Киево-Печерской обители» (Е.В. Аничков. Язычество и древняя Русь. Спб. 1914. стр. 38). И пока это не будет сделано, не может быть с христианами никаких общих платформ и никаких компромиссов. Раз они возлюбили евреев больше самих себя, больше своего народа – пусть с ними и целуются, тем более что те давно стоят с распростертыми объятиями наготове.

Кое-кто хотел бы сегодня спасти такой реформой Иисуса, «ариизировать» его. По моему, не стоит стараться. Черного кобеля не отмоешь добела. С Иисусом происходит то же, что мы очень часто наблюдаем в быту. Стоит одному еврею где-нибудь сесть начальником – и он тащит за собой весь кагал. Так и Иисус волочит за собой весь свой «богоизбранный народ», висящий на нем, как мешок на гвозде, и просто не существовавший бы без него, как мировая духовная

проблема, а с чисто физической проблемой справиться было бы гораздо легче. Уберите гвоздь – и мешок упадет.

Есть анекдот. Ксендз разговаривает с евреем. Еврей дразнит ксендза ограниченностью его возможностей. Ну, кем он может стать? Епископом, кардиналом, папой? Но не богом же! А наш один и туда пролез! Как говорит сивилла у Ницше:

*Стал Рим большим публичным домом,
Пал Цезарь до скота, еврей стал богом...*

Хочу, кстати, упомянуть, что с подобной же идеей «ариизации» христианства носился известный теоретик немецкого национал-социализма А. Розенберг. Вопреки сплетням, ползущим из еврейских кругов через книги, вроде «Утра магов» Повеля и Бержье, Гитлер и его окружение вовсе не практиковали какие-то тайные культы, не имели никакого отношения к масонам, кроме непримиримой вражды, были, на свой лад, христианами, и главная причина поражения Гитлера заключается вовсе не в том, что он был нехристианин, и не в том, что он был «социалист», а в том, что немцы впали в грех национальной гордыни и вообразили себя выше всех других народов. Идея эта – заведомый дьявольский соблазн и в равной мере губительна и для тех, кто считает себя «богоизбранным народом», и для тех, кто проповедует лозунги «народа-богоносца» и «Третьего Рима». Евреи, кстати, очень любят тыкать нас в эти лозунги и посмеиваться, вот, дескать, мы с вами два сапога пара. Но, к счастью, личные заблуждения монаха Филофея и Достоевского не стали у нас национальным мировоззрением, чем мы и отличаемся выгодно от евреев. Достоевский же заразился этим настроением, начитавшись еврейской библии, и прав Н. Бердяев, называющий мессианское сознание «реюдизацией христианства», а идею Третьего Рима – «несомненным элементом юдаизма на христианской почве» (Мирозерцание Достоевского, стр. 188). Москва – не Третий Рим и тем паче – не Новый Иерусалим. Москва есть Москва.

Если не реформа христианства, значит – замена его другой религией. Какой же? Этот вопрос задают особенно часто. Задают люди, не желающие и, по видимому, не могущие думать, падшие на готовые рецепты. Что же, посмотрим, что мы имеем из готового.

Христианство, как уже говорилось, в своей догматике стоит на плечах зороастризма, не зная этого. При таком сходстве именно переход к зороастризму был бы наиболее легким и безболезненным. В пользу такого перехода говорит активный, боевой, жизнерадостный характер зороастрийской религии, выгодно отличающий ее от других, высокая мораль, непримиримость ко лжи, более глу-

бокое, чем в христианстве и в любой другой религии, проникновение в проблему зла.

Но зороастризм – почти вымершая и очень малоизвестная у нас религия. Современная зороастрийская община в Индии замкнулась в себе и не вербует прозелитов. Священное писание зороастризма, Авеста, большей частью утрачено. Так что ежели даже вдруг мы и решили бы обратиться в зороастризм, мы не смогли бы этого сделать просто по техническим причинам, поскольку не нашли бы ни книг, ни учителей. Надо учитывать еще, что зороастризм в Иране, подобно буддизму в Индии, знаменовал уже разрыв с арийскими традициями, т.е. нарушение принципа органического развития. Иное дело – живая религия великого народа, родственного и дружественного нам – народа Индии. Индийская религиозная литература несравненно богаче персидской и несравненно лучше известна у нас. Это огромный мир, поражающий своим внутренним разнообразием, мир, в котором можно найти практически все, что душе угодно, но нужно уметь искать и хорошо ориентироваться в этом мире, иначе недолго и заблудиться.

Главная священная книга индусов – «Веды» – собрание религиозных гимнов и описание обрядов, характеризующих верования арийцев в тот период, когда они пришли в Индию, т.е. во II тысячелетии до нашей эры. Верования эти находились примерно на том же уровне, что и у древних славян и в античном греко-римском мире, но в отличие от последнего в Индии они на этом уровне не застыли. Напряженно работавшая на протяжении столетий мысль создала на основе первоначального политеизма четкую монотеистическую систему. Этот процесс завершился в «Упанишадах» – комментариях к «Ведам».

Необходимо предостеречь, что со временем религия ариев испытала и определенное замутнение, впитав в себя некоторые сомнительные культы неарийских туземных племен, (собственно, только плоды этого замутнения и будет правильно называть «индуизмом», т.е. религией, присущей одним индусам. «Веды» же имеют общеарийское значение). Сюда относится, например, культ Кришны («черного»). Если в Ведах бог Индра восхваляется за то, что он сокрушил «чернокожих», то позже один такой чернокожий оказался вдруг в числе самых популярных героев. Это позднейшее развитие мы обязательно должны учитывать и не хвататься за что попало. Нам ближе всего было бы движение «Арья самадж», основанное в 1875 г. Даянандом Сарасвати и имеющее миллионы последователей. Лозунг этого движения – «назад к Ведам», которые истолковываются, как чистый монотеизм.

Что касается буддизма, то он не имеет особых принципиальных отличий от других течений индийской религиозной мысли и выделяется среди них лишь тем,

что не признает авторитета «Вед» и отрицает касты. Со временем родная индийская почва постепенно засосала буддизм обратно (то же, кстати, случилось с зороастризмом в Иране). При своем возникновении это была ягодка не слаще христианской, с тем же враждебным взглядом на жизнь, но впоследствии этот взгляд был преодолен не только на практике, но в догматике Махаяны – одного из двух основных направлений в буддизме. Произошло это благодаря новому приливу арийской крови. В Индию вторглись кушанские племена, ближайшие родственники славян, можно сказать, почти славяне, населявшие Синьцзян и вытесненные оттуда во II в. до н.э. гуннами. Кушанские цари, носящие почти русские имена, создали в первые века нашей эры могучее государство на территории Индии и соседних районов Средней Азии, а царь Канишка сыграл важную роль и в истории буддизма как организатор IV собора, сформулировавшего основные положения Махаяны.

Кстати сказать, если христианство только хвастается тем, что переделывает людей, а на самом деле восхваляемые им Владимир и Константин и после принятия новой религии остались теми же животными, что и были, то совершенно иную картину мы наблюдаем в Индии. Так, знаменитый царь Ашока, принявший буддизм в 253 г. до н.э. в самом деле разительно переменялся, отказался от войн и стал справедливым и милосердным правителем.

Это не случайность. Все исследователи индуизма в один голос отмечают его необыкновенную терпимость, отсутствие в нем понятия ереси и расколов и в то же время – умение сохранять единство в многообразии. Какая разительная противоположность многовековым христианским сварам и принудительному единогласию.

К сожалению, индуизм долго оставался замкнутым в себе и не пропагандировал свои идеи во внешнем мире. Лишь в самом конце прошлого века эта изоляция начала нарушаться – возникает «Миссия Рамакришны», позже развертывает свою деятельность Ауробиндо Гхош. Но и здесь мы должны быть бдительными. Зная, чем чревато распространение арийской идеологии, ее враги активно занимаются подделками. Одна из них – т.н. «Агни-йога», в которой из-за индуистского обрамления торчат длиннейшие масонские уши: внушается мысль о необходимости «отрешиться от условностей народностей», о том, что все дозволено, о невидимом международном правительстве и о принадлежности многих махати к масонам. Комментарии излишни.

Тоньше действует другая диверсионная группа, очень популярная сегодня на Западе – «Международное общество кришнаитского сознания», проповедующее культ Кришны (Чернобога, если употреблять старый славянский термин). Появление этого общества было запрограммировано еще в «Протоколах сионских

мудрецов», где говорилось: «Наше царство будет апологией божка Вишну». Кришнаиты тоже уверяют, что национальное самосознание – это «болезнь», учат презрению к материальному миру и его делам. Кришнаиты – это голубая мечта Сиона: толпы гоев, превращенные в блаженных идиотиков, которые только тем и занимаются, что пляшут и распевают «Харе, Кришна».

Однако все эти шалости не должны пугать нас и отвлекать от сути. Мы должны вернуться к истокам арийской мудрости. Прежде всего, сегодня очень недостает авторитетной фигуры, которая могла бы сыграть роль посредника между двумя культурами. Рерих умер 30 лет назад, а гениальный провидец Даниил Андреев, скончавшийся в 1959 г., вскоре после освобождения из лагеря, остается неизвестным до сих пор. Пост полномочного посла вакантен, а может быть, нужно снарядить великое посольство, подобное тому, которое было некогда послано в Аркону за Рюриком, или тому, с которым ездил в Европу Петр I, откровенно заявлявший: «Аз есмь в чину учимых и учащих мя требую». Конечно, мы сегодня в Индии будем не только в чину учимых: нам необходимо отбирать, выяснять совместимость тех или иных идей с нашим историческим опытом и национальными традициями. Если индийские зороастрийцы выйдут из изоляции и тоже помогут нам в этом деле – тем лучше. Но конечный итог должен стать антиподом 988 году, реваншем за 988 год.

Индия сегодня для всей арийской расы – последний резервуар жизненных сил, в котором отмечается высокая биологическая активность, тогда как у западноевропейских народов и у русских она явно идет на спад. Индия – хранительница нашей исконной арийской идеологии, залог нашего грядущего духовного освобождения. Поэтому отношения между Индией и остальным арийским миром, между Индией и Россией имеют сегодня первоочередное значение. Даже и в чисто политическом плане, в целях совместного противостояния Китаю. Развитые страны арийского мира должны не разбрасывать свою помощь направо и налево, а направить ее в первую очередь в Индию, тому члену великой индоевропейской семьи, который в ней особенно нуждается. Членам семьи следует отдавать предпочтение перед посторонними. Индия же должна отблагодарить другие страны арийского мира и Россию, просветив их духовно, направить их на путь истинный, с которого они сошли 2000 лет назад, точнее, с которого их столкнули.

Нам говорят: но этого же не было никогда в России! Россия – и вдруг индуизм! Ну и что же, что не было? Не было – так будет! Мало ли чего у нас не было? Было время – и христианства (к счастью) не было, однако оно стало. Было время, когда мы и не слыхивали о марксизме, однако он победил. И потом – почему «не было»? Почему «индуизм»? Как раз было! И речь идет вовсе не об «индуизме», а об «аризме», о «славизме», не о принятии какой-то новой религии, а о

возвращении нашей старой, родной, но не в примитивных, конечно, формах поклонения идолу Перуна, а в высшей форме богопочитания, арийской, в форме поклонений действительному Богу мироздания, а не еврейскому самозванцу. За христианами тысяча лет, да и та наполовину липовая. За нами – несколько тысячелетий. Посмотрим, что перевесит.

Говорите, обидно за предков? Да, обидно, конечно, но вины на них нет. Зато еще обидней и больней смотреть сегодня на тех русских людей, которые и теперь, когда многое тайное стало явным, когда открылись новые горизонты и появился новый враг, все еще не в силах стряхнуть с себя еврейское наваждение.

Если они этого не сделают, им будет плохо. Если они этого – не сделают и будут когда-нибудь играть в России большую роль, нежели та, которую они играют теперь, будет плохо России.

Объективно сегодня христиане – передовой отряд еврейского нашествия, расчищающий дорогу грядущим «истинным хозяевам». И если мы не хотим прихода этих хозяев, то мы должны осознать со всей ясностью, что сегодня в духовной жизни христианство для России – национальная угроза. Или Россия – или христианство. Именно так – национальная угроза, а вовсе не «квинтэссенция русской души». Сводить национальное своеобразие русского народа к православию – подход совершенно неверный. Первыми в это заблуждение впали славянофилы. Но даже близкий к ним историк К.Н. Бестужев-Рюмин, правильно оговаривал: «Православие, как религия заимствованная, не может служить отличительным признаком народа» (статья «Славянофильское учение и его судьба в русской литературе»). В самом деле: ведь православные и греки, и румыны, и русские, и грузины, но сколь различны между собой и все эти народы! Значит, суть не в православии, его прихлебатели не там ищут истоки национального своеобразия. Основы русского характера, как и характера других народов, закладывались в глубокой древности, когда христианством еще и не воняло на Русской земле.

Н. Бердяев понимал, что «в первооснове... лежит исконное русское язычество», но сожалел, что оно «просветлено христианской правдой не до конца». «Русский народ в бытовой своей истории, как и всякий народ, «есть народ язычески-христианский». С этим бытовым язычеством Бердяев связывал «весь наш мракобесный, изуверский, реакционный национализм» (Н. Бердяев. Хомяков, стр. 14, 15, 17). Сегодня-то мы знаем цену этим эпитетам, ими и поныне клеймят каждое проявление русского патриотизма, и здесь Бердяев отнюдь не оригинален, он всего лишь достойный отпрыск антинациональной школы

В. Соловьева, я хочу только обратить внимание на причиненные связи: «язычество» – патриотизм, соответственно христианство – антипатриотизм.

Пора кончать. Пора подводить черту. Тысяча лет, говорите? Именно. Побаловались – и хватит. Окинем прощальным взглядом пройденный путь.

Христианство пришло в мир как еврейская идеологическая диверсия, имевшая целью подорвать духовные основы арийских народов. В разлагавшейся Римской империи эта диверсия увенчалась успехом. Новые, молодые народы, выступившие на историческую арену на смену Рима, не знали предыстории, не обладали иммунитетом и подхватили болезнь от Рима. В дальнейшем освобождение шло такими этапами: борьба светской власти против духовной (борьба императоров с папами), эстетическая оппозиция (Возрождение), осознание еврейско-арийского духовного антагонизма (Шопенгауэр, Ницше).

В России христианство до конца XIII века еще не обладало культурной монополией. Своей властью церковь обязана татарам, перед которыми она всячески пресмыкалась. В дальнейшем церковь примазалась к освободительной войне русского народа. Период христианской культурной монополии – XV-XVII вв. Освобождение Руси шло теми же этапами, что и на Западе: борьба светской власти против духовной (Дмитрий Донской, Василий Темный, Иван Грозный, Алексей Михайлович, как вершина – Петр I, покончивший с церковным засильем, когда церковь стала источником смут и национальной угрозы), затем – эстетическая оппозиция (Пушкин), теперь на очереди третий этап: осознание еврейско-арийского духовного антагонизма.

1978 год

От автора

Этот памфлет был написан в определенных условиях и для определенной публики и поэтому дает превратное представление о моих взглядах. Это вовсе не означает изменение моего принципиального отношения к христианству. Я по-прежнему считаю, что национальная идеология, основанная на биологическом мировоззрении, несовместима с этой космополитической религией. А.М. Иванов

[Велесова Слобода, 2004 г.](#)